

ТРИ ПАРАДИГМЫ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ* ¹

Бэйзмор Гордон

Сегодняшние дискуссии в США о политике в области правосудия для несовершеннолетних включают в себя отчасти повторение чего-то "старого", отчасти утверждение чего-то "нового", в чем-то они скучны, но в них также присутствует и привлекательный новый горизонт. Нечто "старое" - это философия государства-как-родитель (*parens patriae*), которая исторически различала детей и взрослых на основе представлений о зрелости и состоятельности и вверяла государству обеспечение обращения с подростком, представшим перед судом, ради его высших интересов. Реально это обращение было обеспечено в соответствии с медицинской интерпретативной моделью, предполагавшей, что преступное поведение - это проявление внутренних психологических проблем и проблем в межличностных отношениях, которые имеет правонарушитель (Rothman, 1980). Собственно эта медицинская интерпретация вместе с философией *parens patriae* и образуют ядро парадигмы индивидуализации обращения с правонарушителем.

Более криминализованная и, по сути, наказывающая модель ювенального суда представляет собой нечто новенькое. Хотя, на самом деле, эта модель заимствована из системы уголовного правосудия для взрослых. Модель "воздаяния по заслугам" (Von Hirsch, 1976; Schneider and Shram, 1983) всплывает в результате идеологического наскока рейгановского Министерства юстиции, когда оно снизошло до ювенального суда (*juvenile court*) с идеей использования жестких методов (Regnery, 1986; Manfredi and Rossum, 1989). Термин "карательное правосудие" описывает парадигму, которая в первую очередь фокусируется на ценности и приоритете уголовного наказания, причем она акцентирует воздаяние как принцип принятия решений. В карательной парадигме в самой меньшей степени присутствуют цели реабилитации. Кроме того, эта парадигма расширяет значение формальной вражды сторон, определения виновного и соответствующих последствий в приговоре (Field, 1990; Bazemore and Umbreit, 1995; Zehr, 1990).

Нечто действительно новое, задающее горизонт ювенальной юстиции, - это альтернативная парадигма, которая может дать направление в будущее. Это будущее может принести формальную отмену судов для несовершеннолетних (Field, 1990) или просто расширить отрицательные стороны существующей системы (Rosenberg, 1993). Оно может также дать надежду на переоткрытие ювенальной юстиции, основанное на особом видении вопроса в це-

¹ Работа М. Флямера над переводом и изданием этой статьи поддержана Кафедрой Социальной Политики Университета г.Хельсинки и программой СИМО.

лом. Парадигма восстановительного правосудия может дать новую рамку и иные "линзы" для восприятия преступлений несовершеннолетних и реагирования на них (Zehr, 1990).

До сих пор дискуссии о будущем ювенальной юстиции в США были ограничены суждениями, что нужно "больше наказывать" или "необходимо более правильное индивидуальное обращение" или какая-то комбинация этих вариантов. И хотя недавно много говорилось о потенциале исправительных программ и практик, таких как возмещение ущерба, служба для местного сообщества (community service), примирение жертвы и правонарушителя (например, Schneider, 1985; Galaway and Hudson, 1994; Umbreit and Coates, 1993; Bazemore and Maloney, 1994), все же восстановительное правосудие редко упоминалось на соответствующих политических дискуссиях в США как руководящее начало систематической реформы ювенальной юстиции. В частности, так происходило потому, что слишком мало было сделано попыток очертить компоненты парадигмы восстановительной ювенальной юстиции в качестве практической альтернативы обеим моделям - индивидуализации обращения и карательного правосудия. Концепция восстановительного правосудия отчетливо дала видение пути, но слабо вошла в политику и повседневное управление (Van Ness, 1993; Ashworth, 1993).

Сегодняшний кризис ювенальной юстиции США наилучшим образом можно понять как конфликт между двумя недостаточными и несовместимыми парадигмами, каждая из которых оправдывает одномерную, ограниченную реакцию на преступления несовершеннолетних. В этой статье будет представлена перспектива восстановительной парадигмы для ювенального суда и рассмотрено вытекающее из нее изменение миссии ювенальной юстиции.

Парадигмы, парадигмальные изменения и политика в области ювенальной юстиции

Возможно, следовало бы использовать слово, более сильное чем "кризис", чтобы охарактеризовать сегодняшнюю ситуацию в наших системах ювенальной юстиции. Кажется, что во многих штатах эти системы растворяются или кем-то систематически разрушаются (Lemov, 1994; Juvenile Justice Update, 1995). В других - ювенальная юстиция подвергается нападкам столь жестким, каких не было уже почти сто лет с момента создания первого ювенального суда. Недавние законодательные изменения в штатах Джорджия, Орегон и Флорида, связанные с помещением по приговору суда несовершеннолетних в тюрьмы для взрослых, свели к минимуму или вообще отказались от возрастных ограничений, что еще больше сократило и без того ограниченную юрисдикцию ювенального суда. Эти законода-

тельные изменения были только самым последним и наиболее ярким этапом нападков на суды и систему в целом, которые уже более десяти лет подвергаются структурным, процедурным и идеологическим трансформациям (Feld, 1990, 1993; Walkover, 1984).

Некоторые сторонники сохранения ювенальных судов принимали шаги, чтобы еще раз доказать (McHard, 1990) или придать значимость (Krisberg and Austin, 1993) миссии индивидуализации системы ювенальной юстиции. Хотя эти аргументы представляют собой правильные попытки сохранить акцент на реабилитации, имеющей место в ювенальной юстиции, можно предположить, что объявление этой миссии недостаточно, чтобы сохранить или приобрести общественную поддержку (Feld, 1993; Bazemor, 1993). Фактически, та быстрота, с которой в разных штатах началась разборка систем ювенальной юстиции и произошло сокращение дискреционных полномочий традиционных ювенальных судов, отражает сомнения в жизнеспособности парадигмы индивидуализации обращения и указывает на глубокое разочарование общества в отношении ювенальных судов. С другой стороны, новый карательный подход вступает в противоречие с особым менталитетом системы ювенальной юстиции и суда для несовершеннолетних, имеющих особый путь развития, статус, и нацеленных на реабилитацию.

Парадигмы индивидуализации обращения и карательного правосудия

По сути, парадигма - это "линза", через которую мы видим проблемы, и рамка, в которой мы размышляем о ее решении (Zehr, 1990). Подобно обычным линзам, парадигма фокусирует наше видение определенным образом и ограничивает или отбрасывает альтернативные точки зрения. Парадигмы формируют наше восприятие реальности и "...определяют, как мы решаем проблемы. Они задают то, что мы считаем возможным и невозможным и формируют общий консенсус. ... Вещи, которые не включены в парадигму, представляются чем-то абсурдным" (Zehr, 1990 стр. 87). Парадигмы также устанавливают приоритеты и определяют ключевые вопросы, с которыми имеет дело правосудие. Более чем десятилетие парадигмы индивидуализации обращения и карательного правосудия определяли приоритеты для всей деятельности ювенальной юстиции и фиксировали параметры политических дискуссий о судьбе ювенальных судов.

Ювенальные суды были образованы как квази-социальные службы, которые не имели четких правовых оснований; обращение в этих судах основывалось на медицинской модели, определенным образом объясняющей причины преступного поведения (Rothman,

1980; Platt, 1977). В соответствии с этими предположениями преступное поведение рассматривалось как симптомы скрытых нарушений, при этом природа и серьезность преступления были сравнительно менее важны, чем обеспечение терапевтических услуг для исцеления этих предполагаемых нарушений. Парадигма индивидуализации обращения или, как она известна в Европе, - модель социальных услуг - принесла следующее видение преступления несовершеннолетнего - "преступление не рассматривалось само по себе, оно являлось знаком нарушенных процессов социализации. Вмешательство (компетентных органов) старалось исправить это социальное отклонение, применяя методы, адекватные личностным проблемам и нуждам молодого правонарушителя." (Walgrave, 1993, p.3).

Начиная с 70-х годов, модель индивидуализации обращения справедливо и несправедливо критиковалась как неэффективная (Martinson, 1974 and Whitehead, 1988), причем эта критика была частью более общей атаки на функцию реабилитации (например, Martinson, 1974). Она также критиковалась как клеймящая, дорогая, патерналистская, пристрастная и страдающая правовой необоснованностью в части как продолжительности, так и интенсивности применяемых мер. Практика работы изменилась, начиная с 70-х годов, и теперь едва ли многие профессионалы ювенальной юстиции явно подпишутся под медицинской моделью обращения (Palmer, 1992). Тем не менее, предположение, что правонарушитель - пассивный объект, нуждающийся в терапии и лечебных услугах, все еще доминирует в риторике и повседневной реальности системы ювенальной юстиции (Bazemor, 1991; Walgrave, 1994).

В то время как эффективность индивидуального подхода в достижении целей реабилитации часто ставится под сомнение, другие ожидания (публики) вовсе не принимаются во внимание. В частности, подход индивидуализации обращения формально не считает нужным наказание или, иначе говоря, порицание преступного поведения и создание соответствующих последствий для преступника. Этот подход не отводит никакой роли ювенальному правосудию в повышении безопасности общества. В результате, специалисты, принимающие решение в области ювенальной юстиции, оказались непоследовательными в осуществлении функции наказания и удовлетворении потребности общества в безопасности (Rothman, 1980; Schneider, 1990; McAnany et al., 1984). Они зачастую маскировали наказание под индивидуализацию обращения (Rothman, 1980; Miller, 1991), смешивали цели наказания и обеспечения общественной безопасности и зачастую рассматривали применение санкций² как аль-

² Автор использует термин "sanctioning function" здесь и далее в тексте, а также производные от него "sanction crime and offender" и др. В соответствии со словарем этот термин имеет значение "наложение предусмотренной законом меры наказания", т.е. опирается на неявное использование понятийной базы карательной парадигмы. В контексте авторских размышлений о базовых

тернативу индивидуальному подходу, а не как основной компонент ювенальной юстиции (Melton, 1989; Bazemore and Umbreit, 1995).

В 70-х годах, когда влияние философии *parens patriae* стало ослабевать, критика подхода индивидуализации обращения и непоследовательность принятия решений в области ювенальной юстиции, подтвержденная большим количеством документов, привели к серьезной необходимости в его реформировании. Использование философии "наказание по заслугам" (Von Hirsh, 1976; Schneider and Shram, 1983; Thompson and McAnany, 1984) явилось одной из попыток внести рациональное зерно в беспорядочное принятие решений в отношении несовершеннолетних и утвердить значимость самой функции наложения санкций. Несмотря на намерение сократить произвольное и чрезмерное использование наказания, политика и практика "заслуженного наказания" на деле привели к его чрезмерному использованию. Принятие обязательных и четко определенных директив по вынесению наказания, кодексов для несовершеннолетних, в которых перестали делать акцент на реабилитацию и учитывать потребности преступников, расширило полномочия уголовного преследования, а меньшее количество ограничений на передачу дел в обычные суды (Feld, 1990) привели к большему количеству наказаний, связанных с лишением свободы, и более длительным срокам содержания под стражей и домашним арестом, не приведя к каким-либо ощутимым изменениям в уровне преступности (Castellano, 1986; McAllair, 1993).

Помимо этого, реформы в духе "наказания по заслугам" вызвали довольно сомнительные идеи у политиков и общества. Первая: узаконивая наказание во имя него самого, карательная политика, тем самым, давала понять прокурорам и другим специалистам, принимающим решения, что уголовное наказание - это и есть надлежащая реакция на неправомерное поведение. Вторая: как и предсказывали некоторые криминологи, приравнивая санкции и карательные меры, направленные исключительно на причинение боли и дискомфорта преступнику, легализация карающего наказания создала предпосылку к более суровым наказаниям, т.к. стало очевидным, что существующий уровень жесткости не дает желаемых результатов. Это привело также к тому, что поиски менее вредных и менее дорогостоящих видов наказания прекратились, поскольку они теперь рассматривались как более слабые и неадекватные (Bazemore and Umbreit, 1995). И, кроме того, к более широкому использованию тюремного заключения и росту требований передавать все большее количество под-

функциях института правосудия, свободных от задач, предписываемых конкретной парадигмой правосудия (например карательной парадигмой), этот термин правильнее понимать в смысле порицания (осуждения) преступного поведения и соответствующего воздействия на правонарушителя (прим. М. Флямера).

ростков в систему общего уголовного правосудия (Butts, 1994; Feld, 1990).

К новой парадигме

Специалисты в области правосудия для несовершеннолетних должны отреагировать на противоречивые требования все более доминирующей парадигмы карательного правосудия и задач теряющего свою популярность подхода индивидуализации обращения. Наказание может удовлетворить потребность общества в возмездии, но также иметь противоположный сдерживанию эффект и другие негативные побочные действия. Наказание создает проблемы адаптации, которые способствуют новым правонарушениям (Link, 1987), оно отучает от способности к самоограничению (Lepper, 1983), навешивает ярлык преступника, ослабляет социальные связи, сказываясь на перспективах получения работы и родственных отношениях (Sampson and Laub, 1993). Таким образом, нарушаются нормальные взаимоотношения со сверстниками и взрослыми (Zhang and Messner, 1994). Интересен тот факт, что наказание может также способствовать концентрации преступников на самих себе, а не на своих жертвах, т.к. они приучаются принимать наказание, не беря на себя ответственность за содеянное (Wright, 1991). Ужесточение наказания может дать незначительные результаты или не принести вовсе никаких результатов, если специалисты, принимающие решения, ошибутся в определении степени, до которой преступник воспримет в качестве наказания такую санкцию, как заключение под стражу. (Crouch, 1993). С другой стороны, это может увеличить вероятность изоляции и отчуждения (Zhang and Messner, 1994) или даже ориентировать правонарушителей на стремление использовать любые доступные методы с целью избежать наказания.

Несмотря на свою неадекватность, наказание, по мнению общества, по крайней мере, хоть как-то связано с преступлением. В то время как подход индивидуализации обращения связан исключительно с нуждами преступника. Для большинства граждан программы, обеспечивающие индивидуальное обращение в области ювенальной юстиции, предоставляют только выгоды для преступников и ничего или мало требуют от них взамен. Идея подхода индивидуализации обращения почти не несет в себе попытки донести до преступника, что он (или она) причинил ущерб кому-то, должен предпринять определенные действия для его возмещения, загладить свою вину и отвечать за последствия, связанные с ущербом, нанесенным этим преступлением. Более того, так как индивидуализация обращения в основном ничего не требует от преступников помимо участия в консультациях или лечебно-терапевтических мероприятиях, эти

меры мало способствуют укреплению традиционных общественных ценностей, таких, например, как рабочая этика.

Но наказание и индивидуализация обращения не являются единственными альтернативами для ювенальной юстиции. Возможно, например, представить более действенную, эффективную и экономически выгодную программу, опирающуюся не на карательный подход к наказанию (Bazemore and Cruise, 1995). Такая программа будет делать акцент на более структурированные пути реинтеграции после наложения санкций и стараться максимально облегчить принятие правонарушителей, повышая их способность делать свой вклад в жизнь общества (Braithwaite, 1994; Moore and O'Connell, 1994). Специалисты, изучающие функцию наказания, заметили, что существуют действенные способы заставить отвечать за совершенные преступления и реагировать на законные потребности общества. Причем эти способы нацелены на утверждение позитивных ценностей и доносят до сознания преступников, что они причинили зло другим людям и что криминальное поведение неприемлемо (Braithwaite, 1989; Wilkins, 1991; Garland, 1990; Grasmick and Bursik, 1990).

Выразительные некарательные санкции, предназначенные донести до преступника и общества то, что его поступок ценностно неприемлем, будут более эффективны в регулировании поведения.

Эти санкции в большей мере будут содействовать консолидации общества и мирному разрешению конфликтов, чем основанные на возмездии и намерении причинить боль (Griffiths and Belleau, 1993; Wilkins, 1991; Bazemore and Umbreit, 1995).

То, что философ Томас Кун назвал сменой парадигм, происходит во время кризиса, вызванного неспособностью существующей парадигмы облегчать понимание проблем или помочь в выработке решений и разработке новых вариантов (Kuhn, 1962). Смена парадигм неизбежно приносит с собой неразбериху, неопределенность, т.к. старые способы мышления и действия подвергаются проверке. С другой стороны, новая парадигма может также вызвать и сильный всплеск творческой активности. На ранних стадиях смены парадигм нам позволено думать, что мы можем справиться с проблемами без помощи или помех "священных" представлений, отвечающих здравому смыслу. Решая проблему подростковой преступности, например, мы можем спросить: какие решения могли бы быть найдены, чтобы помочь молодежи стать законопослушными людьми, какими могли бы быть последствия за совершенные преступления и обеспечение безопасности общества, если бы не было центров probation, индивидуальных реабилитационных программ и судов по делам несовершеннолетних?

Реформы, которые двигают систему к новой парадигме, должны обратиться к сути правосудия, предлагая новое понимание проблемы подростковой преступности и поддерживая конкретные альтернативы и индивидуализации обращения, и карательным мерам. Парадигмальная реформа способна также сменить контекст, в котором осуществляется правосудие, изменяя роли непосредственных и возможных участников этого процесса. Большинство профессионалов в области правосудия, многие политики и граждане сохраняют убежденность в том, что отдельная и четкая система ювенальной юстиции может более эффективно справляться с подростковой преступностью, чем уголовные суды и исправительные учреждения для взрослых (Rosenberg, 1993; Bazemore, 1993); вдохновляющим признаком появления новой парадигмы является то, что многие начинают задавать новые вопросы, подвергающие сомнению суть и контекст как подхода индивидуализации обращения, так и карательных мер.

Защитники интересов местных сообществ спрашивают, являются ли попытки увеличить количество арестов, усилить моторизованный патруль и сократить срок реагирования на обращение граждан по поводу преступного поведения эффективным предотвращением преступлений (Sparrow et al., 1990)? Аналогичным образом специалисты в области ювенальной юстиции и политики начинают приходить к заключению, что санкции ювенальных судов несут в себе неясную или неопределенную для преступников идею; изоляция правонарушителей не защищает общество, в то время как стратегии общественного надзора часто слабо структурируют время правонарушителя и неэффективны в обеспечении общественной безопасности; реабилитационные программы предлагают мало возможностей для активного вовлечения правонарушителей в продуктивную деятельность и, таким образом, не обеспечивают связь с общественными группами и учреждениями, необходимыми для создания лучших перспектив для нормальной жизни взрослого человека; потребности жертвы и общества игнорируются в нынешней системе ювенальной юстиции. Отчасти общественная поддержка смены парадигм основывается на осознании ограниченности возможностей, предлагаемых в рамках карательного правосудия и парадигмы индивидуализации обращения, а также оторванности их обеих от реальных проблем преступников, жертв и общества (Christie, 1982).

Исследуя новую парадигму: восстановительная ювенальная юстиция

Восстановительная философия и практика восходят к древним концепциям и практикам (Schafer, 1970; Davis, 1992; Van Ness,

1993). Вновь возникший интерес был вызван в 1970-х и 80-х годах некоторыми событиями, в их числе - экспериментами с возмещением ущерба и примирением преступника и жертвы (Hudson and Galaway, 1975; Schneider, 1985; Galaway and Hudson, 1990; Umbreit and Coates, 1993), движением в помощь жертвам преступлений и возникновение интереса к неформальному правосудию и разрешению конфликтных ситуаций в среде местных сообществ (Messmer and Otto, 1992). Восстановительное правосудие можно также рассматривать как один из компонентов более широкой парадигмы общественного разрешения проблем и гражданского участия, известной как коммьюнитаризм (communitarianism) (Moore and O'Connell, 1994; Braithwaite and Pettit, 1990). Ключевым элементом этой более широкой парадигмы является акцент на взаимную или коллективную ответственность за создание более крепких сообществ, который, в свою очередь, строится на опыте женского движения, движения за мир и социальную справедливость (Pepinsky and Quiney, 1991; Harris, 1993) и движения за укрепление местных сообществ (Sparrow et al., 1990). Концептуальные рамки восстановительного правосудия также тесно связаны с возникающими теоретическими перспективами роли разумного вынесения санкций и важности гражданского участия для решения проблемы преступности и укрепления норм общежития (Braithwaite, 1989, 1994; Wilkins, 1991; Adler, 1991).

Различие между парадигмами кроется, в первую очередь, в ответах на четыре основных вопроса, затрагивающих содержание и контекст:

- в чем сущность преступления и что в отношении него должно быть сделано?
- кому должна служить система правосудия и как его участники должны вовлекаться в процесс правосудия?
- как система правосудия должна реагировать на нужды ее участников и отражать общие ожидания общества?
- какую роль должны играть профессионалы системы правосудия в выполнении этих функций, дополняя роли граждан, жертв и преступников?

В отношении первого вопроса восстановительное правосудие наиболее очевидно отличается от карательного, рассматривая преступление не только как нарушение закона или власти правительства. Оно считает вред, причиненный пострадавшему и обществу, в котором он живет, самым существенным результатом преступления. Восстановительное правосудие основное внимание уделяет возмещению ущерба и залечиванию ран, повредивших ткань общества (Van Ness, 1993). Восстановительное правосудие не является ни карающим, ни снисходительным. Его цель - это возмещение ущерба,

причиненного жертвам, признание правонарушителем вреда, нанесенного преступлением, и примирение между жертвой, преступником и сообществом, в котором они живут.

Акцент восстановительного правосудия на возмещении ущерба и урегулировании конфликтов, а не на наказании преступников, подробно обсуждался в работах многих авторов (Zehr, 1990; Galaway and Hudson, 1990; Wright, 1991; Davis, 1992; Van Ness, 1993). Так что оставшаяся часть этой главы посвящена трем дополнительным вопросам. Во-первых, в то время как восстановительное правосудие в особенности заботится о повышении статуса жертвы (Zehr, 1990; Umbreit, 1994), уникальность восстановительной парадигмы - в ее трехмерном акценте на жертву, общество и преступника. Так что важно определить, как задействовать эту уникальную приверженность каждому из этих участников для расширения контекста ювенальной юстиции. Во-вторых, как может восстановительная парадигма задать выполнение основных функций ювенальной юстиции, удовлетворяющих основные потребности и ожидания общества? И, наконец, какие роли отводит восстановительное правосудие профессионалам и другим участникам?

Три участника восстановительной ювенальной юстиции

В конечном счете, как утверждает Уилкинс (1991): "Сейчас принято считать, что проблема преступления не может быть упрощена до проблемы преступника" (стр. 312). Реакции на преступление и в форме наказания виновного, и в форме индивидуализации обращения практически и концептуально недостаточны (Вугне, 1989). Каждая из них имеет одномерный взгляд на преступника и исходит из логики закрытой системы (см. также Reiss, 1986), которая сужает контекст правосудия, полагая целью только наказать преступника и/или воздействовать на него и исключая остальных участников. Так, жертвы редко могут рассчитывать на возмещение своих потерь, помощь или понимание и обычно реально не принимают участия в процессе ювенальной юстиции. Членов местного сообщества редко спрашивают или информируют об их потенциально жизненно важной роли в достижении целей наказания, реабилитации и безопасности общества. И наказание, и индивидуализация обращения отводят преступнику пассивную роль объекта индивидуального подхода или воздействия, с одной стороны, и наказания или надзора, с другой (Eglish, 1975). Нарушителям закона предоставляется мало возможностей принять активное участие в искуплении своей вины за совершенные ими преступления или продемонстрировать продуктивное поведение, которое могло бы облегчить восстановление, реабилитацию и реинтеграцию в общество. Ни наказание, ни индивиду-

ализация обращения не в состоянии учесть и удовлетворить потребности преступника, общества, семьи и жертвы (McElrae, 1993; Walgrave, 1993). Восстановительное правосудие базируется на утверждении, что без совместного участия жертвы, преступника и общества проблема преступности решена эффективно быть не может. Оно базируется на принципе, что правосудие лучше всего осуществляется тогда, когда каждая из сторон получает справедливое и должное внимание, активно участвует и получает ощутимую выгоду от взаимодействия с системой ювенальной юстиции. При этом каждая из сторон рассматривается как участник процесса правосудия, в чьих интересах реализуется трехмерный подход к решению проблемы преступности.

Восстановление жертв

Возвышение роли жертвы в восстановительном правосудии и ориентация на потребности (Zehr, 1990; Umbreit, 1994) лица, пострадавшего от преступления, отчасти вызваны реакцией на современное положение вещей, когда степень и качество вовлечения жертв преступлений незначительна и определяется скорее карательными, чем восстановительными, приоритетами (Elias, 1993). Заинтересованность прокуроров, судей, адвокатов и руководителей программ индивидуализации обращения в том, чтобы выиграть дела, осудить преступников или защитить клиентов, обычно преобладает над потребностями и проблемами жертв (Wright, 1991; Messmer and Otto, 1992). Восстановительная ювенальная юстиция уделила бы внимание потребностям пострадавших, признала бы их положение жертвы, компенсировала бы их потери, обеспечила бы их участие в процессе восстановления справедливости, дала бы пострадавшим место при принятии решений в этом процессе.

Два препятствия ограничивают попытки удовлетворять потребности жертв и сознательно вовлекать их в качестве участников в процесс осуществления правосудия для несовершеннолетних. Во-первых, тот факт, что разница между подходом, центрирующимся на жертве преступления, и подходом, защищающим права жертв, не была четко обозначена, вылился в тенденцию отождествлять поддержку жертвы с действиями, ограничивающими права преступника. Защитники прав жертв часто противопоставляли жертву преступнику и стояли во главе политических попыток проявлять суровость по отношению к преступникам посредством обязательного и определенного наказания и другой карательной политики (Fattah, 1993; McShane and Williams, 1992; Elias, 1993). Во-вторых, некоторые профессионалы в области ювенальной юстиции и защитники молодежи против того, чтобы фокусироваться на жертву с философской точки

зрения. Они считают, что подростки не несут ответственность за свои действия потому, что они сами часто являются жертвами преступлений, в том числе, жертвами жестокого обращения (Widom, 1991). С точки зрения восстановительного правосудия, однако, виктимизация не устраняет необходимость для правонарушителей как отвечать за свои поступки перед теми, кому они причинили зло, так и осознать последствия своих действий (Eglash, 1975).

Однако существуют и более конкретные препятствия развития ориентации на жертву преступления в существующей системе ювенальной юстиции, сосредоточенной на преступнике. Сюда, во-первых, входят страх и неловкость, которые даже сочувствующий персонал может испытывать в связи с перспективой привлечения граждан, на их взгляд озлобленных и желающих мести. Второе препятствие - то, что ответственность за более интенсивный надзор за осужденными преступниками (Armstrong, 1991) - наряду с растущим числом уголовных дел (Lemert, 1993) - сокращает время, которое персонал по общественному надзору должен уделять таким обязанностям, как уведомление жертв, возмещение им ущерба и оказание других услуг (Shapiro, 1990). В конечном счете, отсутствие новой цели, которая отдаст приоритет потребностям жертв преступлений и оценит их вовлечение в процесс, приведет к тому, что пострадавший будет безуспешно отстаивать свои интересы в организациях, традиционно ориентированных только на потребности молодежи и семей.

Восстановление преступников

Парадигма восстановительного правосудия учитывает беспомощное положение жертв и преступников в существующей системе и подчеркивает потребность общества в предоставлении правонарушителям возможности раскаяться и получить прощение (Zehr, 1990; Van Ness, 1993). Это прощение могло бы стать последствием чувства стыда и воссоединения (Braithwaite, 1989). Члены сообщества, которому принадлежит преступник, после получения подтверждения его обязанности возместить ущерб, причиненный жертвам, после проверки и оказания помощи в возмещении этого ущерба, могли бы способствовать и создавать условия, облегчающие возврат правонарушителя в местное сообщество (Makkai and Braithwaite, 1994; Zehr, 1990).

Усиление карательной ориентации ювенальной юстиции не очень-то способствует этому процессу. Кроме того, самым большим препятствием для воплощения реинтеграционного подхода к преступникам в системе ювенальной юстиции является логика самой парадигмы индивидуализации обращения. Так, исключительная ориентация на психологические потребности и недостатки социальной

среды правонарушителя, задает подход к нему как к объекту медицинских услуг или терапевтического вмешательства. В противоположность этому, восстановительное правосудие считает преступника способным к активному возмещению убытков, понесенных жертвами и обществом (Schneider, 1985). Более того, трехмерная ориентация восстановительного правосудия исходит из того, что потребности преступников не могут быть должным образом удовлетворены в отрыве от потребностей жертв и общества. Те стратегии, которые нечувствительны к влиянию правонарушителей на местное сообщество (Vugne, 1989), (например, игнорируют соответствующие обязательства), вряд ли приведут к успешной реинтеграции правонарушителя. С другой стороны, бюджет системы ювенальной юстиции, по большей части, состоит из средств, предназначенных для содержания исправительных центров (detention centers), как основных инструментов достижения общественной безопасности. Этот бюджет сильно ограничивает объем средств, которые могут быть использованы на удовлетворение потребностей жертв или на цели реинтеграции правонарушителя в общество (Bazemore and Schiff, 1995). Безусловным в философии восстановительного правосудия является утверждение, что истинная реабилитация вряд ли произойдет до того, как преступник осознает, какой вред его или ее поведение причинило жертвам, и постарается возместить этот ущерб (Eglash, 1975). Реабилитация также не произойдет без активной поддержки и участия общества.

Восстановление сообществ

Восстановительное правосудие решает проблему преступления, исправляя последствия случившегося, для чего на микроуровне используется наложение санкций в форме компенсации жертве (Van Ness, 1993). На макроуровне восстановительное правосудие ориентировано на построение более безопасного общества, в котором большинство конфликтов, ведущих к преступлениям, разрешалось бы мирным путем (Van Ness, 1993), и цикл насилия был бы прерван (van Gelder, 1993). Система правосудия для несовершеннолетних и общество должны быть взаимодополнительны и помогать друг другу, как на микро-, так и на макро- уровне реагирования на преступность. На систему ювенальной юстиции и остальную систему уголовного правосудия возлагается обязанность обеспечивать порядок, в то время как на общество возлагается обязанность восстановления и поддержания мира (Van Ness, 1993; Zehr, 1990).

Модели карательного правосудия и подхода индивидуализации обращения сузили границы ювенальной юстиции до правосудия, ориентированного только на преступника. Эффективность по-

пытках этого правосудия защитить общество, заключая преступников в тюрьму, усиливая надзор или обеспечивая индивидуальный подход к определенным преступникам, относительна. Признание общества участником процесса правосудия потребовало бы того, чтобы профессионалы системы ювенальной юстиции стали принимать во внимание и вовлекать общественные группы, наряду с преступниками и жертвами, в попытки реально удовлетворить потребность общества в безопасности и сокращении страха. Braithwaite (1989, 1994) отмечает важность участия граждан в процессе социального контроля в странах с низкой преступностью. Таким образом, восстановительная ювенальная юстиция будет вовлекать общественные группы в попытки определить и утвердить границы терпимости в отношении ненормативного поведения подростков через осуждение таких поступков посредством устыжения (shaming) и последующую реинтеграцию. Отдельные граждане и общественные группы будут более активно опекать молодежь, тем самым помогая создавать более безопасное общество. Профессионалы системы ювенальной юстиции могут также облегчить участие правонарушителя в восстановлении общества, вовлекая молодежь в попытки преобразовать общество, улучшить общественную безопасность или изменить окружающую среду (Bazemore and Schiff, 1995).

Функции ювенальной юстиции: наложение санкций, обеспечение общественной безопасности и реабилитация

Традиционно от системы правосудия ожидают, что она отвечает общественным потребностям в наложении санкций на преступника (to sanction crime and offender), обеспечивает общественную безопасность и реабилитирует правонарушителей. В последние время от системы правосудия потребовали также, чтобы она содействовала возмещению ущерба жертвам преступлений, хотя необходимость этого возмещения приоритет так и не получила (Elias, 1993; Galaway и Hudson, 1990).

Парадигма восстановительного правосудия обещает создание системы ювенальной юстиции, которая отвечает традиционным общественным ожиданиям, и в то же время дает новый приоритет восстановлению жертв преступлений. Восстановительная парадигма ответила бы на эти общественные потребности, предложив интегративный способ, который объединяет (а не разделяет) действия по наложению санкций, реабилитации, обеспечению безопасности и восстановлению жертв преступлений. Важно определить ценности, лежащие в основании восстановительного подхода к каждой функции правосудия, и социальные результаты, которых потребуются достичь. Это определение позволит управлять принятием общих поли-

тических решений и расстановкой приоритетов в практических программах. В рамках каждой функции правосудия мы проследим отличие восстановительного правосудия от карательной парадигмы и модели индивидуального обращения. Различие конструкций ювенальной юстиции будет определяться на основе того, какие именно безусловные ценности, достигаемые цели и организационно-практические приоритеты предлагаются всеми тремя парадигмами.

Принятие ответственности: функция наложения санкции

Главный приоритет любой системы уголовного правосудия - публичное осуждение (порицание) вредоносного поведения и создание соответствующих этому последствий для правонарушителя. Модель индивидуализации обращения вообще не предполагает реализацию этой функции. Карательная парадигма отдает приоритет наказанию посредством тюремного заключения, при этом преступник наказывается за то, что он пошел против государства. В карательной парадигме оказывается, что успешность наложения ювенальным судом санкции прямо зависит от тяжести примененного наказания. Таблица №1 представляет соответствующие различия всех трех парадигм в плане наложения санкций ювенальным судом.

Ценности восстановительного правосудия определяют ответственность за преступление как обязательства правонарушителя исправить содеянное им с жертвой, а не как получение наказания от государства. Достижение целей восстановительного правосудия определяется потребностями жертв в материальном, моральном или эмоциональном восстановлении и обеспечении их участия в этом процессе. С другой стороны, достижение целей определяется необходимостью провести правонарушителя через осознание последствий собственных действий, чтобы он мог активно исправить содеянное. Среди санкций приоритет отдается тем, которые облегчают восстановление по сравнению с теми, которые только наказывают или индивидуализируют обращение с правонарушителем. Кроме того, в противоположность управляемых правилами безличных процедур карательного правосудия, фокусирующихся на определении выигравшего и проигравшего и фиксирующих виновность (Zehr, 1990; Messmer и Otto, 1992), процесс восстановительного правосудия в основном полагается на неформализованные санкции и решение скрытых проблем, на сокращение конфликтности через диалог и посредничество и стремится достичь удовлетворяющее обе стороны соглашения (Messmer и Otto, 1992; Bazemore и Umbreit, 1995).

Восстановление и реинтеграция: функция реабилитации

Что означает восстановительная парадигма для реабилитации преступника? До сих пор литература о восстановительном правосудии (Galaway and Hudson, 1990; Zehr, 1990; Van Ness, 1993) в основном была посвящена нуждам жертв и именно в этой связи касалась процесса восстановления. Относительно меньше внимания уделялось вопросам реабилитации преступника. В частности, это упущение произошло из попытки избежать роли уголовного правосудия, минимизировать принудительное вмешательство и всячески подчеркивать первенство развивающих или социализирующих институтов в осуществлении реабилитирующих функций (Braithwaite, 1994; Polk, 1994). Тот факт, что цели реабилитации и обеспечения безопасности начинают специально обеспечиваться, не обязательно означает большее применение в системе правосудия контроля или принудительного вмешательства или отрицание роли развивающих институтов. Конечно акцент на клиентах восстановительного правосудия важен в том случае, если в исполнение любой функции правосудия требуется вовлечь общественность, различные организации, жертв и самого правонарушителя, а не просто органы уголовной юстиции. Но если не удастся четко включить реабилитацию как часть целостной восстановительной идеологии, то останется "пустота", которая скорее всего будет заполнена либо ожившей медицинской моделью, либо новыми, придерживающимися жесткости подходами, такими как дисциплинарные лагеря, в которых пытаются объединить реабилитацию с наказанием и шоком (Morash и Rucker, 1988; Bazemore, 1991).

Под влиянием ценностей и целей восстановительной юстиции традиционная модель индивидуализации обращения должна быть заменена на обширный веер реинтегрирующих методов. Такой подход имеет приоритетом развитие компетентности, что предполагает, что правонарушитель "покидает систему более способным быть продуктивным и ответственным в обществе" (Maloney et al., 1988; Bazemore, 1991). Модель индивидуализации обращения ориентирована на сокращение или искоренение проблемного поведения; подход к осуществлению ре-интеграции на основе развития компетентности подчеркивает необходимость затрагивать общее взросление, в особенности через приобретение навыков выживания, необходимых в повседневной жизни. Таблица 2 сравнивает выполнение функции реабилитации в рамках всех трех парадигм.

Модель индивидуализации, основанная на медицинском предположении о недостатках или несоциализированности правонарушителя. Она подчеркивает необходимость избегать негативных влияний, необходимость обретения позитивной самооценки. Средством для этого является участие правонарушителя в терапевтических и лечебных программах, которые навязывают ему роль пассивного по-

лучателя услуг. В противоположность этому, реинтегрирующий подход, основанный на развитии компетентности, предполагает, что молодые люди и их семьи являются ресурсами для самих себя и других. Этот подход заставляет вовлекать молодых людей в новые роли, которые позволяют им действовать компетентно, приобретать ценные навыки и улучшать их имидж. Критерии успеха этого подхода - в чувствах принадлежности и полезности, которые усиливают связи в обычных группах (Bazemor, 1991; Polk и Kobrin, 1972; Hirschi, 1969).

Восстановление и защита сообщества: функция безопасности

Обычно профессионалы ювенальной юстиции не способны объяснить роль ювенальной юстиции в поддержании общественной безопасности. В результате система часто реагирует на требования в защите общества, используя дорогие и редко применяемые методы помещения в тюрьму отдельных правонарушителей. Парадигма восстановительного правосудия сориентировала бы персонал ювенальной юстиции на более системные действия в целях безопасности общества. Политика реагирования на событие преступления изменилась бы в сторону большего использования методов профилактики преступлений. Таким образом, подход восстановительного правосудия к защите общества содержит как акцент на усилении контроля за отдельными правонарушителями, так и акцент на уровень сообщества в целом.

Работа с преступностью несовершеннолетних на уровне сообщества в целом предполагает не только конкретную помощь правонарушителям, но и мероприятия, затрагивающие и взрослых, и их институты, направленные на профилактику и сокращение рецидивизма (Lofquist, 1983; Pittman and Fleming, 1991). Мышление специалистов ювенальной юстиции должно выходить за рамки работы с отдельными случаями (Klein, 1988; Bazemore and Schiff, 1995) и ориентировать на работу с социальными корнями проблемы. Таблица 3 сравнивает рассматриваемые нами три парадигмы в отношении функции общественной безопасности.

Индивидуализация обращения не ориентирована на потребности в общественной безопасности, а упор на надежное тюремное заключение в модели карательного правосудия смешивает управление риском рецидива и цели наказания (Klein, 1993). Модель восстановительного правосудия давала бы приоритет потребностям общества и жертвы в безопасности, предпринимала бы необходимые действия, чтобы свести к минимуму риск, которому могут подвергнуться граждане, вплоть до заключения тех преступников в тюрьму, которые

представляют угрозу для других. Однако в большинстве случаев безопасность и надежность будут означать ориентацию на укрепление общественного надзора, т.е. усиление роли общества в осуществлении надзора, в отношении тех, кто находится на пробации или помещены в специальные школы (residential programs). Всесторонний восстановительный подход к уменьшению потенциальной угрозы, создаваемой преступниками, которые находятся под общественным надзором, будет нацелен на то, чтобы время правонарушителя было максимально занято продуктивной деятельностью (Maloney at al., 1988). Правосудие должно также ориентироваться на укрепление способности людей, живущих по соседству, общественных групп и граждан предотвращать противоправные действия, обеспечивать надзор и опеку и разрешать конфликты, причем целью будет поддержание общественной безопасности и уменьшение чувства страха и опасности. Наиболее важно то, что цели общественной безопасности в модели восстановительного правосудия не могут быть достигнуты за счет целей реабилитации и репаративных санкций.

Роль профессионалов и участников системы ювенальной юстиции

Современная система управления складывалась для поддержания политики и практики, которые были бы совместимы либо с парадигмой индивидуализации обращения, либо с парадигмой карательного правосудия. Руководители системы ювенальной юстиции, желающие внедрить модель восстановительного правосудия, должны обратиться к базовым вопросам управления и организационных приоритетов, которые определяют распределение ресурсов, описание рабочих обязанностей и критериев оценки деятельности (Umbreit and Carey, 1995; Bazemore and Washington, 1995).

Одним из первых шагов является критическая оценка традиционных ролей и обязанностей сотрудников, преступника, жертвы и общества в процессе правосудия. На профессионалов системы ювенальной юстиции ложатся задачи определения целей наказания, общественной безопасности и реабилитации. Ни структура системы карательного правосудия, ни цель индивидуализации обращения не позволили политикам сформулировать значимые и активные роли для общества жертв и преступников в решении задач ювенальной юстиции. Как видно из Таблицы 4., парадигма восстановительного правосудия изменит контекст функционирования ювенальной юстиции, определив новые роли для каждого из потребителей/участников в выполнении функций наказания, реабилитации и общественной безопасности. Новая социальная экология правосудия, обозначенная восстановительным подходом (Bazemore and Schiff, 1995), потребует

также новых ролей для персонала системы ювенальной юстиции. Эти новые роли пойдут дальше ориентации на предоставление преступнику услуг и надзора за ним, к главной ориентации - ориентации на вовлечение и общества, и жертвы в разрешение конфликта.

В области наложения санкций, например, персонал будет не только контролировать процесс возмещения и общественные работы, но и следить за тем, чтобы были возможности для заработка средств и творческого, продуктивного выполнения общественных работ. Персонал будет также непосредственно работать с жертвами для обеспечения удовлетворения их потребностей и предоставления им возможности сознательно участвовать в процессе правосудия. Персонал должен также вовлекать общественные группы, например, работодателей, чтобы обеспечить преступников возможностью принимать участие в работе, предоставлении услуг и другой позитивной деятельности. И, наконец, для улучшения общественной безопасности, персонал системы ювенальной юстиции должен сотрудничать с другими помогающими людям организациями и органами в обеспечении более безопасной и стабильной среды проживания. Профессионалы системы ювенальной юстиции в этой роли выполняют превентивную функцию, стараясь изменить индивидуальные и институциональные условия, такие, например, как отсутствие позитивных ролей для молодых людей (Polk and Kobrin, 1972; Lofquist, 1983), сдерживающее позитивное развитие молодежи. Профессионалы системы ювенальной юстиции, принимающие восстановительный подход, должны постараться укрепить возможности общественных социальных институтов - школ, предприятий, гражданских организаций и церквей, в конечном счете ответственных за традиционное преобразование молодежи в настоящих граждан.

Внедрение восстановительного правосудия

Восстановительные системы ювенальной юстиции нельзя создать за одну ночь и их нельзя ввести в приказном порядке. Сложность этой системы требует тщательно спланированных, взвешенных реформ и участия персонала, также как и других заинтересованных сторон общества. Внедрение этой системы должно рассматриваться как длительный процесс стратегического улучшения в местных системах ювенальной юстиции, вовлекающий всех тех, кого затрагивает подростковая преступность. В то время как цели и ценности этой модели постоянны, не существует ни одного рецепта *a priori* для применения принципов восстановительного правосудия. Проблемы, возникающие с внедрением этой модели, должны решаться по мере их возникновения местными сообществами, жертвами, преступниками и их семьями, работающими вместе с системой

ювенальной юстиции над выработкой соответствующей политики, основанной на принципах и ценностях восстановительной модели. Недостатки модели и вопросы, на которые еще не найдены ответы, следует рассматривать в контексте далекого от совершенства способа решения проблем преступности в существующей системе карательного правосудия.

В системе, где формальные правила и процедуры, в частности, предназначены для защиты преступников от неограниченного возмездия, трудно представить увеличение доверия к использованию неформальных процессов, связанных с восстановительным правосудием (Zehr, 1990; Umbreit, 1994). Сторонники восстановительного правосудия будут спорить с тем, что проходящие в настоящее время судебные процессы в большинстве случаев скорее очень неформальные, чем состязательные (Hackler, 1991). И утверждать, что состязательный процесс основан на переговорах и сделках, которые служат карательным целям государства (и профессиональным интересам юристов), а не интересам справедливости и надлежащей правовой процедуре. Вместе с тем, политикам и администраторам, стремящимся к восстановительной ювенальной юстиции, следует обратить внимание на некоторые проблемы и принять меры предосторожности.

Меры предосторожности и проблемы внедрения восстановительного правосудия

Большинство систем ювенальной юстиции, хотя и находятся под подавляющим влиянием философии карательного правосудия и миссии индивидуализации обращения, содержат некоторые элементы политики и практики, которые отвечают восстановительным целям. Такие меры, как возмещение причиненного ущерба, примирение жертвы и преступника, наполненная смыслом общественная работа, приобретение квалификации, навыки разрешения конфликтов и другие меры, направленные на цели развития способностей и общественную безопасность, являются строительным материалом, с помощью которого могут быть разработаны и другие восстановительные программы.

Несмотря на высокий потенциал этих имеющих принципиальное значение работ, а также на позитивную реакцию общества и многообещающие результаты эмпирических исследований программ по возмещению ущерба и примирению жертвы и преступника (Schneider, 1985, 1986; Butts and Snyder, 1991; Umbreit and Coats, 1993), существует опасность ограничиться опорой исключительно на новые программы и практику как основу для реформ. В последние годы системы ювенальной юстиции штатов были особенно уяз-

вимы по отношению к решениям, претендующим на универсальность, таким как лагеря военного типа (boot camps) (Finckenauer, 1982), и подходу к реформам, основанному на программах, неспособных оценить соответствие между новыми идеями и существующими ценностями, политикой и бюрократическим устройством организаций традиционного правосудия (McShane and Williams, 1992).

Инновационные действия, когда они основаны на логически последовательных теоретических принципах, могут привести к иллюзии, что даже самая новаторская практика совместима с существующей системой управления. Общественные работы, например, могут быстро отойти на задний план или могут использоваться как дополнительная мера наказания, а не как основная мера, направленная непосредственно на достижение восстановительных результатов (Bazemore and Meloney, 1994; Shapiro, 1990). Аналогично этому, большее участие в процессе правосудия будет мало отвечать интересам жертвы преступления, если система пользуется этим только для того, чтобы добиться осуждения или увеличить срок или суровость наказания (Elias, 1993).

Первой проблемой, которая может ограничить рассмотрение восстановительной модели правосудия для несовершеннолетних, является неизбежный вопрос: работает ли она? Не смотря на примечательное отсутствие данных об эффективности нынешней системы ювенальной юстиции и убедительные доказательства ее несостоятельности в некоторых случаях (Lab and Whitehead, 1988), наиболее часто задаваемым вопросом о восстановительном правосудии скорее всего будет следующий: "Какое влияние его подходы будут оказывать на рецидивизм и другие последствия преступления?". На данном этапе более уместным и гораздо более важным вопросом является не "работает ли она?", а "получит ли шанс восстановительное правосудие?". Будет ли оно внедряться как единое целое с ценностями и целями, обсуждавшимися здесь, или преобразовано для соответствия целям карательной ювенальной юстиции или парадигмы индивидуализации обращения (Van Ness, 1993)? Некоторые из целей функционирования, представленные в этой главе, также как и критерии предложенные Ховардом Зером (1990) могут помочь ответить на вопрос: как мы поймем, что имеем дело с восстановительным правосудием, когда столкнемся с ним?

Семена новой парадигмы

Хотя восстановительное правосудие как парадигма гораздо шире обсуждалось в контексте системы уголовного правосудия (Galaway and Hudson, 1990; Zehr, 1990), сейчас существует большая потребность и удобная ситуация для внедрения восстановительной

модели в систему ювенальной юстиции. Эта потребность возникла вследствие существующего кризиса и даже угрозы существованию отдельной системы юстиции для несовершеннолетних. В целом перспективы для восстановительного правосудия в системе ювенальной юстиции основываются на большом количестве положительных прецедентов восстановительной практики и программ (Schneider, 1985, 1990; Umbreit and Coats, 1993), а также неформальной этики, как правило, более совместимой с ценностями и процессом восстановительного правосудия.

Многие реформы в области ювенальной юстиции все еще вызываются к жизни в результате ее кризиса и привносятся извне (Cohn, 1994; Schwartz et al., 1991). Управленцы в этой области присоединяются к тем людям в государственных и местных органах управления, кто старается изменить или перестроить свои организации, выбирая долгосрочный, широко ориентированный путь реформ, требующий активного участия.

Заключение

Преобладание карательной модели в современной системе ювенальной юстиции, вкупе с растущей общественной поддержкой применению наказания, может создать впечатление, что восстановительное правосудие будет введено нескоро и даже является утопией (Walgrave, 1993). Более того, многие проблемы, стоящие сегодня перед управленцами в системе ювенальной юстиции, являются симптомами социально-структурных изменений в экономике и недостатков социальной политики (Wilson, 1987), которые породили поколение брошенных детей. Оказалось, что сокращение пособий на детей трансформировалось в кризис системы ювенальной юстиции (Inciardi et al., 1993). Такие проблемы, как распад семейных и соседских отношений, увеличение продажи и употребления наркотиков, жестокое обращение с детьми, подталкивают молодых людей и их семьи к противоправным действиям и делают в глазах многих преступление привлекательным. Решение этих проблем находится вне полномочий любого суда или системы правосудия.

Основной отличительной чертой восстановительной ювенальной юстиции является ориентация на участие общества в процессе привлечения к ответственности и реабилитации преступников, помощи жертвам преступлений и улучшения общественной безопасности.

Широту этой проблемы может проиллюстрировать тот факт, что разбросанные, неустойчивые и разобщенные жилые анклавы современных метрополисов крайне мало соответствуют любому стандартному понятию общины, каждый член которой ощущает тес-

ную связь с другими ее членами (Van Gelder, 1993). В таких сообществах перспектива того, что трудные подростки и молодые люди смогут наладить отношения с нормальными взрослыми людьми, еще менее вероятна. Кюри (1994) считает, что если кому-то надо будет создать образец криминогенного сообщества, нет ничего лучше, чем посмотреть на современные городские районы в США. Такие сообщества:

- отделяют большое количество людей, особенно молодых, от такой работы, которая могла бы вовлечь их в жизнь местного сообщества;

- не обеспечивают новые механизмы поддержки и заботы о тех, кто оторвался от своих корней, хотя бы для того, чтобы сохранить стимулы для работы и сократить расходы государства;

- поддерживают культуру напряженной межличностной конкуренции и стимулируют своих членов к такому уровню материального потребления, который трудно поддерживать законными способами (Currie, 1994).

Пытаясь изменить данную ситуацию, профессионалы системы ювенальной юстиции перемещаются из области уголовного правосудия в сферу социальной справедливости. Хотя восстановительное правосудие признает неизбежную связь между этими двумя областями (Zehr, 1990; Pepinsky and Quinney, 1990), восстановительная ювенальная юстиция не сможет прямо повлиять на проблемы расизма, бедности и притеснения. Делая упор на вовлечение общества в устранение ущерба, причиненного преступностью, и меняя взгляд на преступность, оно, тем не менее, могло бы начать создавать совместный процесс для разрешения этих проблем, привлекая граждан непосредственно к решению проблемы подростковой преступности и виктимизации. Перед профессионалами системы ювенальной юстиции стоит задача стать во главе этого процесса, приняв новые ценности и стратегии, направленные на воссоздание чувства социальной общности.

Каковы выгоды системы ювенальной юстиции, государственного и местного правительства, желающих принять участие в реформах, необходимых для введения восстановительного правосудия? Те, кто уже участвует в этом процессе, знают, что одним из преимуществ может быть сохранение системы ювенальной юстиции как таковой (Bazemore, 1993).

Организации и системы ювенальной юстиции, которые определяют и вовлекают своих реальных участников в попытки решения проблемы преступности и предъявляют четкие, объективные результаты работы, фиксированные на достижение позитивных навыков у преступника, компенсации ущерба жертве и общественной безопасности, скорее всего изменят свой облик налогового "пассива"

на облик общественного "актива". В результате этого процесса профессионалы ювенальной юстиции могут также расширить возможности всех членов общества, в том числе тех, кто стал жертвой или правонарушителем.

Таблица 1 Наложение санкций и ответственность

	Карательное правосудие	Модель индивидуализации обращения	Восстановительное правосудие
ЦЕННОСТИ ПОДРАЗУМАЕМЫЕ	<p>Ответственность перед системой правосудия, которая определяется получением преступником наказания</p>	<p>Санкции не уместны, случайны и в общем случае не нужны. Подчеркиваются проблемы правонарушителя, а не правонарушение или возникший ущерб. Ответственность становится обязанностью системы справиться с нуждами правонарушителя.</p>	<p>Ответственность перед жертвами. Она определяется исправлением содеянного в отношении жертв и сообщества. Когда произошло правонарушение, возникли обязательства перед жертвой. Жертвы имеют право активно участвовать в восстановлении справедливости.</p>
ДОСТИГАЕМЫЕ ЦЕЛИ	<p>Наказаны ли правонарушители? Было ли наказание своевременным, верным, достаточно строгим и справедливым?</p>	<p>Правильно ли определены потребности несовершеннолетнего? Вовлечены ли несовершеннолетние в подходящие программы? Сколько из них завершило эти программы?</p>	<p>Восстановлены ли жертвы? Превращены ли жертвы в активных участников правосудия? В какой степени произошло возмещение ущерба и сколько рабочих часов на пользу сообщества отработано каждым правонарушителем? Удовлетворены ли жертвы? Осознали ли правонарушители нанесенный ими ущерб (раскаялись ли)? Сколько соглашений о возмещении ущерба подписано и сколько выполнено? Насколько четким было выполнение восстановительных требований? Каково качество выполненных работ и всего процесса?</p>
ПРИОРИТЫ	<p>Заключение в тюрьму. Контроль электронными средствами, надлежащее обращение, штрафы</p>	<p>Программы терапии и предоставление услуг. Минимальный акцент на наказании, кроме случаев выполнения требований реабилитационной программы.</p>	<p>Возмещение ущерба, программы примирения: victim-impact panels and awareness education; специализированная помощь жертвам; служба для местного сообщества; прямые услуги жертве, восстановительные выплаты.</p>

Таблица 2

Наложение санкций с точки зрения разных парадигм

	Индивидуализация обращения	Карательное правосудие	Восстановительное правосудие
УТВЕРЖДЕННОСТИ И	Основное и первоочередное внимание направленно на определенные проблемы и выработку соответствующего подхода для ее решения; считается, что малолетние преступники нуждаются в определенных услугах, они не социализированные, имеют отклонения и не способны к продуктивным и рациональным поступкам без терапевтического вмешательства; большинство преступников нуждаются в индивидуальном подходе и терапевтическом вмешательстве	Приоритетом является наказание преступника по заслугам. Необходимость реабилитации может приниматься во внимание, если она не противоречит потребности государства в наказании	Основное и первоочередное внимание на «сильные стороны» людей и опора на позитивное. Рассматривает молодежь и их семьи как источник помощи в решении ситуации. Молодежь считается способной к позитивным действиям; упор на изменение общественных институтов и поведения взрослых. Стимулирует к действию «преступники лучше всего учатся на деле»; консультации и лечение необходимы, но только как дополнение к активной деятельности.
ЦЕЛИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	Избегают ли преступники негативного влияния определенных людей, мест и деятельности? Соблюдают ли они правила надзора напр. комендантский час, посещают ли школу? Посещают ли и участвуют в деятельности, предусмотренной индивидуальным подходом (напр., консультирование)? Прошли ли они все требуемые программы и снято ли с них наблюдение? Произошли ли улучшения в отношениях и самооценке? Подготовлены ли они психологически? Улучшились ли их отношения в семье?	Отсутствие промежуточных целей реабилитации как таковых; сокращение рецидивизма, основанное на сдерживании или угрозе наказания	Начинают ли подростки новые, позитивные взаимоотношения и позитивное поведение в традиционных ролях? Предоставляется ли возможность тренироваться и демонстрировать приемлемое поведение? Проявляют ли они способности, участвуя в продуктивной деятельности (работах на благо общества)? Удалось ли предотвратить клеймение преступника? Произошел ли прогресс в позитивной социализации (учебных, социальных, профессиональных навыках и т.п.)? Есть ли улучшение в отношении преступника к себе и обществу (принятие обществом) и большее количество связей?
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРИОРИТЕТЫ	Групповое и семейное консультирование; применение пробационного надзора; просвещение и лечение от наркотиков; исправляющее обучение	Нет	Опыт работы и занятости; подростки как инструкторы и исследователи по проблемам наркотиков; подростки в новой роли помощников в процессе восстановления; подростки разрабатывают культурные и образовательные проекты; подростки как медиаторы; общественные проекты по утилизации и украшению местности; интеграционные проекты со взрослыми; разновозрастное преподавание (подростки-правонарушители преподают младшим детям); консультации сверстникам; обучение навыкам справляться со своим гневом и принимать решения; изменение мировоззрения; умение жить в семье.

Таблица 3. **Общественная безопасность с точки зрения разных парадигм.**

	Индивидуализация обращения	Карательное правосудие	Восстановительное правосудие
ЦЕННОСТИ И УТВЕРЖДЕНИЯ	Общественная безопасность не является частью функционального правосудия	Общественная безопасность требует огромных вложений в закрытые учреждения и их использование; усиленное наблюдение и контроль считаются наилучшими стратегиями по защите общества; контроль со стороны общества рассматривается как неэффективный для большинства правонарушителей.	Общественная безопасность лучше всего достигается через совместные усилия систем правосудия и общественных групп по выработке способности предотвращать преступления. Заключение это ограниченное, дорогостоящее решение, для большинства преступников используется в качестве последнего средства. Наилучший подход должен обеспечивать распределение времени преступника и обеспечение четкой последовательности санкций и стимулов. Люди имеют право жить в безопасном окружении. Общество обязано активно содействовать оздоровительному и восстановительному процессам.
ДЕТАЛЬНОСТИ	Нет	Преступники в заключении или задержаны? Сокращается ли рецидивизм через устрашение или угрозу наказания?	Сокращается ли рецидивизм, особенно когда преступники находятся под надзором в общине? Возрастает ли у граждан чувство безопасности и доверия к системе ювенального правосудия? Увеличиваются ли связи и реинтеграция преступника в общество? Принимают ли непосредственное участие члены общества?
ПРИОРИТЕТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	Программы работы с преступниками по месту их жительства	Широкое использование содержания под стражей; тюремное заключение; электронные способы надзора и контроля. Отсутствие промежуточных мер за нарушение правил общественного надзора; мало сотрудничества или попыток по выработке общественных мер предупреждения преступности; средства выделяются на тюрьмы, а не на общественную безопасность.	Жесткое распределение времени преступника и создание возможностей для установления связей с обществом через участие в продуктивной деятельности с привлечением «нормальных» взрослых. Четкая политика в отношении нарушений правил надзора и стимулы к их выполнению. Вовлечение в процесс общественных "опекунов". Сотрудничество с организациями, представляющими местные сообщества. Профилактические программы в школе (разрешение конфликтов, посредничество и усмирение гнева; обучение родителей и посредничество между детьми и родителями). Заключение в тюрьму преступников, подвергающих риску общественную безопасность, с интенсивным воздействием после освобождения. Использование добровольных членов местного сообщества.

Таблица 4 Субъекты восстановительной ювенальной юстиции и их новые роли

	Наказание через ответственность	Реабилитация через развитие способностей	Улучшение общественной безопасности
ПРЕСТУПНИК	Принимает активное участие в восстановлении потерь, нанесенных жертве и общине; должен встретиться с жертвой или ее представителем.	Активное участие в деятельности, улучшающей качество жизни общества и обеспечивающей новый опыт, умения и самооценку как источник позитивного действия.	Вовлекается в процесс социализации и восстановительную деятельность в сбалансированной программе. Направленность на развитие самоконтроля и новых связей со сверстниками и организациями.
ЖЕРТВА	Принимает активное участие на всех стадиях процесса; документально подтверждает психологическое и эмоциональное воздействие преступления; добровольно участвует в медиации; помогает в разработке санкций для преступника.	Обеспечивает вклад в процесс реабилитации; предлагает варианты общественных работ для преступника.	Влияние на опасения по поводу безопасности, страха и необходимого контроля над преступником; поощрение поддержки и защиты других жертв.
ОБЩЕСТВО	Привлекается в качестве посредника; развивает возможности предоставления преступникам общественной и оплачиваемой работы с обязательствами выплаты компенсации за причиненный вред.	Развивает новые возможности для молодежи, вносит свой вклад; содействует социализации и чувству причастности.	Обеспечивает "опекунство" над преступниками, наставничество и вклад в систему ювенального правосудия в отношении проблем безопасности. Обращает внимание на скрытые проблемы общества, способствующие подростковой преступности.
ПРОФЕССИОНАЛЫ СИСТЕМЫ ЮВЕНАЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ	Способствуют медиации; следят за тем, чтобы возмещался ущерб (предоставляя преступникам способы заработка средства для выплаты компенсации); разрабатывают варианты общественной творческой/восстановительной деятельности; вовлекают в процесс членов общества и разъясняют обществу его роль.	Разрабатывают новые роли для несовершеннолетних преступников, в которых те могли бы проявить свои позитивные навыки; оценивают и основываются на силах молодежи и общества; развивают партнерство в местном сообществе.	Разрабатывают ряд стимулов и мер, обеспечивающих выполнение преступниками надзорных правил; помогают школе и семье контролировать и поддерживать преступников в обществе; развивают у местных сообществ способность предупреждать преступность.

Литература

Adler, J. (1991). *The Urgings of Conscience: A Theory of Punishment*. Philadelphia, PA: Temple University Press.

Armstrong, T. (ed.) (1991). *Intensive Interventions with High-Risk Youths: Promising Approaches in Juvenile Probation and Parole*. Monsey, NY: Criminal Justice Press. Ashworth, A. (1993). "Some Doubts About Restorative Justice". *Criminal Law Forum* 4(2):251-276.

Bazemore, G. (1991). "New Concepts and Alternative Practice in Community Supervision of Juvenile Offenders: Rediscovering Work Experience and Competency Development". *Journal of Crime and Justice* 14:27-35.

- (1993). "Abolish, Preserve or Restructure: A Case for the Balanced Approach". In: *The Juvenile Court: Dynamic, Dysfunctional or Dead?* Philadelphia, PA: Center for the Study of Youth Policy, School of Social Work, University of Pennsylvania.

- and P. Cruise (1995). "Reinventing Rehabilitation: Exploring a Competency Development Model for Juvenile Justice Intervention". *Perspectives* 19(4): forthcoming.

- and D. Maloney (1994). "Rehabilitating Community Service: Toward Restorative Service in a Balanced Justice System". *Federal Probation* 58(1):24-34.

- and M. Schiff (1995). "Community Restorative Justice: Toward a New Ecology for Community Corrections". *International Journal of Comparative & Applied Criminal Justice* (Winter): forthcoming.

- and M. Umbreit (1995). "Rethinking the Sanctioning Function In Juvenile Court: Retribution or Restorative Responses to Youth Crime". *Crime and Delinquency* 41(3):296-316.

- and C. Washington (1995). "Charting the Future of the Juvenile Justice System: Reinventing Mission and Management". *Spectrum. The Journal of State Government* 68(2):51-66.

Braithwaite, J. (1989). *Crime, Shame, and Reintegration*. New York, NY: Cambridge University Press.

- (1994). "Thinking Harder About Democratising Social Control". In: C. Alder and J. Wundersitz (eds.), *Famuy Conferencing and Juvenile Justice*. Canberra, AUS: Australian Institute of Criminology.

- and P. Pettit (1990). *Not Just Deserts: A Republican Theory of Criminal Justice*. Oxford, UK: Oxford University Press.

Byrne, J. M. (1989). "Reintegrating the Concept of Community Into Community-Based Corrections". *Crime & Delinquency* 35(3):471-499.

Butts, J. (1994). *Offenders in Juvenile Court, 1992*. Washington, DC: Office of Juvenile Justice and Delinquency Prevention, U.S. Department of Justice.

- and H. Snyder (1991). *Restitution and Juvenile Recidivism*. Pittsburgh, PA: National Center for Juvenile Justice.

Castellano, T. (1986). "The Justice Model in the Juvenile Justice System: Washington State's Experience". *Law and Policy* 8:479-506.

Christie, N. (1982). *Limits to Pain*. Oxford, UK: Martin Robertson.

Cohn, A. (1994). "The Future of Juvenile Justice Administration: Evolution vs. Revolution" Paper presented at the 21st National Conference on Juvenile Justice, Boston, March.

Crouch, M. (1993). "Is Incarceration Really Worse? Analysis of Offenders' Preferences for Prison over Probation". *Justice Quarterly* 10:67-88.

Currie, E. (1994). *Reckoning: Drugs, the Cities, and the American Future*. New York, NY: Hill and Wang.

Davis, G. (1992). *Making Amends: Mediation and Reparation in Criminal Justice*. London, UK: Routledge.

Eglash, A. (1975). "Beyond Restitution: Creative Restitution". In: J. Hudson and B. Galaway (eds.). *Restitution in Criminal Justice*. Lexington, MA: Lexington Books.

Elias, R. (1993). *Victims Still: The Political Manipulation of Crime Victims*. Newbury Park, CA: Sage,

Fattah, E. (1993). "The NewVictimology as Anti-Criminology: Some Critical Reflections on the Ideological Transformation of Victimology". Paper presented at the 11th International Congress on Criminology, Budapest, August.

Feld, B. (1990). "The Punitive Juvenile Court and the Quality of Procedural Justice: Disjunctions between Rhetoric and Reality". *Crime & Delinquency* 36:443-464.

- (1993). "The Criminal Court Alternative to Perpetuating Juvenile [In] Justice". In: *The Juvenile Court: Dynamic, Dysfunctional, Or Dead?* Philadelphia, PA: Center for the Study of Youth Policy, School of Social Work, University of Pennsylvania

Finckenauer, J. (1982). *Scared Straight! and the Panacea Phenomena*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Galaway, B. and J. Hudson (eds.). (1990). *Criminal Justice, Restitution, and Reconciliation*. Monsey, NY: Criminal Justice Press.

Garland, D. (1990). *Punishment and Modern Society: A Study in Social Theory*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Grasmick, H. and R. Bursik (1990). "Conscience, Significant Others, and Rational Choice: Extending the Deterrence Model". *Law and Society Review* 24(3):837-886.

Griffiths, C.T. and C. Belleau (1993). "Restoration, Reconciliation and Healing: The Revitalization of Culture and Tradition in Addressing Crime and Victimization In Aboriginal Communities". Paper presented at the 11th International Congress on Criminology, Budapest, August.

Hackler, J. (1991). *The Possible Overuse of Not Guilty Pleas in Juvenile Justice* (monograph). Edmonton, CAN: Centre for Criminological Research, University of Alberta.

Harris, K. (1991). "Moving Into the New Millennium: A Feminist Perspective on Justice Reform". In: H. Pepinsky and R. Quinney (eds.), *Criminology as*

Peacemaking. Bloomington, IN: Indiana University Press.

Hirschi, T. (1969). *The Causes of Delinquency*. Berkeley, CA: University of California Press.

Hudson, J. and B. Galaway (1975). *Restitution in Criminal Justice*. Lexington, MA: Lexington Books.

Inciardi J., R. Horowitz and A. Pottieger (1993). *Street Kids, Street Drugs, Street Crime: An Examination of Drug Use and Serious Delinquency in Miami Belmont*, CA: Wadsworth.

Juvenile Justice Update (1995, February). Kingston, NJ: Civic Research Institute, Inc.

Klein, A. (1988). *Alternative Sentencing: A Practitioners Guide*. Cincinnati, OH: Anderson Publishing.

- (1993). *Community Protection as an Intervention Paradigm in a Balanced Juvenile Justice System*. Unpublished manuscript.

Krisberg, B. and J.F. Austin (1993). *Reinventing Juvenile Justice*. Newbury Park, CA; Sage.

Kuhn, T. (1962). *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Lab, S.P. and J.T. Whitehead (1988). "An Analysis of Juvenile Correctional

Treatment". *Crime and Delinquency* 34:60-83.

Lemert, E. (1993). "Visions of Social Control: Probation Considered". *Crime and Delinquency* 39(4):447-462.

Lemov, P. (1994). "The Assault on Juvenile Justice". *Governing* (Dec):26-31.

Lepper, M. (1983). "Social Control Processes, Attributions of Motivation and the

Internalization of Social Values". In: E.T. Higgins, D.N. Ruble and W.W. Hartup (eds.). *Social Cognition and Social Development: A Sociocultural Perspective*. New York, NY: Cambridge University Press.

Link, B. (1987). "Understanding Labelling Effects In the Area of Mental Disorders: Assessment of the Effects of Expectations". *American Sociological*

Review 47:456-478.

Lofquist, W.A. (1983). *Discovering the Meaning of Prevention: A Practical Approach to Positive Change*. Tucson, AZ: AYD Publications.

Makkai, T. and J. Braithwaite (1994). "Reintegrative Shaming and Compliance with Regulatory Standards". *Criminology* 32:361-385.

Maloney, D., D. Rornig and T. Armstrong (1988). *Juvenile Probation: The Balanced Approach*. Reno, NV: National Council of Juvenile and Family Court Judges.

Manfredi, C.P. and R.A. Rossum (1989). "Historical Trends, Legislative Developments, and Professional Attitudes: Implications for Legislative Reforms and Juvenile Justice". *New Designs for Youth Development* 9:3-9.

Martinson, R. (1974). "What Works-Questions and Answers About Prison Reform". *Public Interest* 32:22-54.

McAllair, D. (1993). "Reaffirming Rehabilitation in Juvenile Justice". *Youth and Society* 25:104-125.

InAnano, P.D., D. Thompson and D. Fogel (1984). *Probation and Justice: Reconsideration of Mission*. Cambridge, MA: Oelgeschlager, Gunn & Hain.

McElrae, F.W.M. (1993). "A New Model of Justice". In: B.J. Brown (ed.), *The Youth Court in New Zealand: A New Model of Justice*. Auckland, NZ: Legal Research Foundation.

McHardy, L. (1990). "Looking at the Delinquency Problem from the Juvenile Court Bench". *International Review of Criminal Policy* 39/40:113-118.

McShane, M. and F. Williams (1992). "Radical Victimology: A Critique of the Concept of Victim in Traditional Victimology". *Crime and Delinquency* 38:258-271.

Melton, G. (1989). "Taking Gault Seriously: Toward a New Juvenile Court". *Nebraska Law Review* 68:146-181.

Messmer, H. and H. Otto (eds.). (1992). *Restorative Justice on Trial: Pitfalls and Potentials of Victim Offender Mediation*. International Research Perspectives. Norwell, MA: Kluwer Academic Publishers.

Miller, J. (1991). *Lost One Over the Wall; The Massachusetts Experiment in Closing Reform Schools*. Columbus, OH: Ohio State University Press.

Moore, D. and T. O'Connell (1994). "Family Conferencing in Wagga Wagga: A Communitarian Model of Justice". In: C. Alder and J. Wundersitz (ed.). *Family Conferencing and Juvenile Justice*. Canberra, AUS: Australian Institute of Criminology.

Morash, M. and L. Rucker (1990). "A Critical Look at the Idea of Boot Camp as a Correctional Reform". *Crime and Delinquency* 36(2):204-222.

Palmer, T. (1992). *The Re-Emergence of Correctional Intervention*. Beverly Hills, CA: Sage.

Pepinsky, H.E. and R. Quinney (eds.) (1991). *Criminology as Peacemaking*. Bloomington, IN: Indiana University Press.

Pittman E. and W. Fleming (1991). "A New Vision: Promoting Youth Development". Testimony to House Select Committee on Children, Youth and Families. Washington, DC, September.

Platt, A. (1977). *The Child Savers: The Invention of Delinquency*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Polk, K. (1994), "Family Conferencing: Theoretical and Evaluative Questions". In: C. Alder and J. Wundersitz (eds.). *Family Conferencing and Juvenile Justice: The Way Forward or Misplaced Optimism*. Canberra, AUS: Australian Institute of Criminology.

- and S. Kobrin (1972). *Delinquency Prevention through Youth Development*. Washington, DC: Office of Youth Development.

Pranis, K. (1995). "Introduction to Restorative Justice". *Restorative Justice*

Newsletter (March). St. Paul, MN: Minnesota Department of Corrections.

Regnery, A. (1985). "Getting Away with Murder: Why the Juvenile Justice System Needs an Overhaul". *Policy Review* 34:65-68.

Reiss, A. (1986). "Why are Communities Important in Understanding Crime?" In: A.J. Reiss and M. Tonry (eds.). *Communities and Crime*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Rosenberg, I. M. (1993). "Leaving Bad Enough Alone: A Response to Juvenile Court Abolitionists". In: *The Juvenile Court: Dynamic, Dysfunctional or Dead?* Philadelphia, PA: Center for the Study of Youth Policy, School of Social Work, University of Pennsylvania.

Rothman, D. (1980). *Conscience and Convenience; The Asylum and its Alternatives in Progressive America*. New York, NY: Harper-Collins.

Sampson, R.J. and J.H. Laub (1993). *Crime in the Making: The Asylum and its Alternatives in Progressive America*. New York, NY: Harper Collins.

Schafer, S. (1970). *Compensation and Restitution to Victims of Crime*. Montclair, NJ: Smith Patterson.

Schneider, A. (1985). *Guide to Juvenile Restitution*. Washington, DC: Office of Juvenile Justice and Delinquency Prevention, U.S. Department of Justice.

- (1986). "Restitution and Recidivism Rates of Juvenile Offenders: Results from Four Experimental Studies." *Criminology* 24(3):533-552.

- (1990). *Deterrence and Juvenile Crime: Results from a National Policy Experiment*. New York, NY: Springer-Verlag.

- and D. Schram (1983). *A Justice Philosophy for the Juvenile Court*. Seattle, WA: Urban Policy Research.

Schwartz, I., W. Barton and R. Orlando (1991). "Keeping Kids out of Secure Detention". *Public Welfare* 46(Spring):20-26.

Shapiro, C. (1990). "Is Restitution Legislation the Chameleon of the Victims' Movement?" In: B. Galaway and J. Hudson (eds.). *Criminal Justice, Restitution, and Reconciliation*. Monsey, NY: Criminal Justice Press.

Sparrow, M., M. Moore and D. Kennedy (1990). *Beyond 911: A New Era for Policing*. New York, NY: Basic Books.

Thompson, D. and P. McAnany (1984). "Punishment and Responsibility in Juvenile Court: Desert-Based Probation for Delinquents". In: P. McAnany, D. Thompson and D. Fogel (eds.), *Probation and Justice: Reconsideration of Mission*. Cambridge, MA: Oelgeschlager, Gunn & Hain.

Umbreit, M.S. (1994). *Victim Meets Offender: The Impact of Restorative Justice and Mediation*. Monsey, NY: Criminal Justice Press.

- and M. Carey (1995). "Restorative Justice: From Vision to Implementation". *Federal Probation* 59:47-54.

Umbreit, M.S. and R. Coates (1993). "Cross-Site Analysis of Victim-Offender Mediation In Four States". *Crime and Delinquency* 39:565-585.

Van Gelder, S. (1993). "The Ecology of Justice: Making Connections to Stop Crime". In *Context* 38:11-14.

Van Ness, D. (1993). "New Wine and Old Wineskins; Four Challenges of, Restorative Justice". *Criminal Law Forum* 4(2):251-276.

Von Hirsch, A. (1976). *Doing Justice*. New York, NY: Hill & Wang. Walgrave, L. (1993). "Beyond Retribution and Rehabilitation: Restoration as the Dominant Paradigm In Judicial Intervention against Juvenile Crime". Paper presented at the 11th International Congress on Criminology, Budapest, August.

- (1994). "Criminological Prevention in the City: For a Crime Prevention that is Really Criminological Prevention". Paper presented at the 49th International Conference of Criminology, Leuven, Belgium, May.

Walkover, A. (1984). "The Infancy Defense in the New Juvenile Court". *University of California at Los Angeles Law Review* 31:503-562.

Widom, C.S. (1991). "Child Victimization: Risk Factors for Delinquency". In: M.E. Colton and S. Gord (eds.). *Adolescent Stress: Causes and Consequences*. New York, NY: Aldine de Gruyter.

Wilkins, L. (1991). *Punishment, Crime and Market Forces*. Brookfield, VT; Dartmouth Publishing.

Wilson, J. (1987). *The Truly Disadvantaged*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Wright, M. (1991). *Justice for Victims and Offenders*. Buckingham, UK: Open University Press.

Zehr, H. (1990). *Changing Lenses: A New Focus for Crime and Justice*. Scottsdale, PA: Herald Press.

Zhang, L. and S.F. Messner (1994). "The Severity of Official Punishment for Delinquency and Change in Interpersonal Relations in Chinese Society". *Journal of Research in Crime and Delinquency* 31:416-433.

Перевод выполнен Н.Н. Смагловой и А. Добрыниной